



Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Мужское
ДЕЛО



ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Мужское дело

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Мужское дело / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Зрачок ствола, направленный в твое лицо, лезвие ножа, тускло блеснувшее в глухой подворотне, бешеный взгляд бандита, загнанного в угол, – всего этого полковник Гуров повидал в избытке и за годы розыскной работы даже привык к подобным вещам. Но вот к предательству привыкнуть не смог. Потому-то, наверное, и попался в ловушку, расставленную оборотнем в милицейских погонах. Теперь он крепко сидит на крючке у шантажистов, а чтобы соскочить с него, надо рискнуть очень многим, и, к сожалению, не только собственной жизнью, но и честью офицера, и гордостью профессионала. Есть над чем подумать, полковник...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов Алексей Макеев Мужское дело

Пролог

Трое высоких мужчин в костюмах повышенной защиты вошли в главный зал денежного хранилища Центробанка. Массивная бронированная дверь плавно закрылась за их спинами, отрезая мужчин от внешнего мира.

Все это выглядело как эпизод фантастического фильма: ровные ряды никелированных стеллажей, уставленных цинковыми контейнерами, слепящий свет галогенных ламп, люди, нерешительно застывшие на пороге. Видеокамеры, что автоматически повернулись в сторону вошедших, среагировав на движение, лишь усилили впечатление нереальности происходящего.

– Терпеть не могу сюда входить, – пробурчал самый толстый из троицы. – Каждый раз такое ощущение, что тебя хоронят заживо. – Голос прозвучал из-под защитной маски так глухо, словно толстяка действительно замуровали в склепе.

Его товарищ, стоявший справа, поежился от этих слов и взглянул на говорившего. В отличие от остальных он был в главном хранилище впервые и испытывал некоторый трепет от того, что оказался в святой святых главного банка России. Третий из вошедших только усмехнулся в ответ.

– Хватит тарашиться по сторонам! – вывел вошедших из некоторого замешательства голос, раздавшийся из громкоговорителя под потолком. – Четвертый ряд, шестой, тринадцатый и двадцать второй стеллажи. Выносите к запасному выходу, аккуратно складываете, ждете, пока откроют дверь, выносите в коридор и несете к машине. И пошевеливайтесь! У вас сорок пять минут.

– Сам бы потаскал, хрен голосистый, – недовольно проворчал толстый и двинулся в указанном направлении. – Меня еще только в качестве грузчика не использовали!

– Хватит бухтеть, Диман, – одернул его третий. – Вечно ты хуже бабы...

Он обогнал ворчливого толстяка, следом за ним заторопился новичок. Двухметровые стеллажи в каждом ряду представляли собой как бы отдельные клетки, заставленные цинковыми ящиками. На каждом таком ящике, на торце, чуть пониже металлических ручек, был выбит номер. В шестом стеллаже ящиков было ровно сто.

– Это сколько же тут миллионов? – обалдело присвистнул новичок.

– Нам об этом знать не положено, – ухмыльнулся третий, – но думаю, на всех трех стеллажах миллиарда полтора наберется.

– И на хрена же сжигать такую прорву деньжищ?! – Новичок едва не поперхнулся.

– Облажался наш Госбанк, – ехидно прокомментировал толстяк, подходя к стеллажу. – Сторублевки фальшивые им впихнули. Вот они и стремятся от денег избавиться, чтобы кое-кого из теплых кресел не выпихнули.

– Много ты знаешь, – осклабился третий, – только вот на горшок не просишься. Бери ящик да тащи молчком к двери. Провозимся здесь – нас премии лишат. Я тогда у тебя из зарплаты ее компенсирую!

– Пуговицу на лоб сначала пришей, – огрызнулся толстяк, но ящик взял и пошел к запасному выходу.

Ящики со сторублевыми банкнотами весили немало. К тому моменту, когда все они оказались около запасного выхода, носильщиков прошиб седьмой пот. Толстяк было уселся отдохнуть, но тот же голос с потолка согнал его с места.

– Двадцать минут осталось! – пророкотал голос с потолка. – Открываю дверь. Быстро все в коридор. В машине будете отдыхать...

Бронированная дверь, едва различимая на стене, бесшумно отворилась, и новичок, подхватив цинковый ящик, потащил его в коридор. Третий остановил его.

– Давайте-ка по цепочке их перекидаем, – он кивнул в сторону ящиков и подтолкнул толстого вперед. – Так и быстрее и проще.

Работа действительно пошла быстрее. Гора ящиков заметно убывала, переключившись из хранилища в узкий бетонный коридор без окон. Новичок принимал ящики в коридоре, со страхом поглядывая на дверь, ведущую во внутренний двор Центробанка.

Новичок устал, пожалуй, больше остальных. Он хоть и был моложе, но явно не привык к монотонной работе. Да и мысль о том, что ему придется своими руками отправить в топку крематория такое количество денег, пригибала его к полу намного сильнее того груза, который он носил.

До двери во внутренний двор было метров десять. Новичку приходилось метаться по узкому коридору, укладывая ящики вдоль стен. Вскоре их ровная полоска дотянулась до первой из трех железных решеток, перекрывавших коридор между двумя дверями.

Наконец последний ящик был вынесен из хранилища, и дверь немедленно закрылась. Повинуясь команде невидимого оператора, все три решетки бесшумно ушли в стены. Следом за ними распахнулась и наружная бронированная дверь. Прямо за ней – кузов автомобиля, который должен был везти ящики в крематорий.

Погрузка закончилась на семь минут раньше запланированного времени. Ящики были уложены в бронированный грузовик. А следом за ними в кузов забрались и трое грузчиков. Автомобиль тут же отъехал от двери, и кто-то невидимый захлопнул створки кузова.

Окон в задней части грузовика не было. Поэтому, едва машина выехала со двора Центробанка и сделала несколько поворотов, сидевшие в кузове перестали ориентироваться в направлении движения. Поэтому они просто отдыхали от трудов праведных.

Всю дорогу новенькому не давала покоя мысль о том, что такая огромная сумма наличных будет уничтожена. Ему казалось несправедливым то, что кто-то сжигает деньги, а он экономит каждую копейку. Новенький недавно женился и теперь даже во сне видел, как покупает квартиру и уводит жену от тещи, ставшей за пару месяцев самым ненавистным человеком.

«Господи, да кто заметит, если я возьму пару пачек в награду за честный труд! – думал новенький, с тоской поглядывая на ящики с деньгами. – Их ведь все равно сожгут, не пересчитывая!»

Украсть некоторое количество сторублевых купюр не представлялось ему трудным делом. Единственной преградой этому были только пломбы на ящиках. Их наверняка будут проверять перед отправкой денег в топку. Новенький так и не успел решить эту проблему, как неожиданно грузовик остановился. Перегородка, отделявшая салон водителя, плавно опустилась. В кузов заглянул ухмыляющийся охранник и проговорил, размахивая пистолетом:

– Приехали, пацаны! Вы думали, что деньги в крематорий везете? А вот хрен вам. Лечь всем на пол, суки! – неожиданно заорал он. – Не дергаться, а то всех перестреляю. Это ограбление!..

Сидевшие в кузове оторопели от такого поворота дел. «Толстый» начал медленно сползать на пол, тихо поскуливая. «Третий» осторожно поднял руки, а «Новенький» так и остался сидеть с открытым ртом.

– Что, испугались? – неожиданно спокойно проговорил охранник. – Да не мочитесь в штаны! Я пошутил. Сейчас ворота откроют, выгрузаться будем!

Первым в себя пришел «Третий».

– Вот гадство, – спокойно сказал он и поднялся с места. – За это, честное слово, морду бьют.

– Но-но, шуток не понимаешь! – заорал охранник и быстро поднял перед носом «Третьего» перегородку.

– Хрен с ними. Потом сочтемся, – махнул тот рукой и вернулся на место.

Разгружали грузовик почти так же, как загружали. Только здесь подъехать вплотную к двери не дал высокий порог. Ящики выносили из кузова и кидали сразу в топку. Именно этот факт и подсказал «Новенькому», как украсть купюры.

Дело в том, что перед тем как отправить ящик в топку крематория, его предъявляли человеку, одетому в защитный костюм. Он осматривал ящик, записывал номер, а затем кивал в сторону топки. Вскоре это занятие ему наскучило, и он перестал тщательно проверять пломбы.

«Новенький» подстроил все так, чтобы его товарищи одновременно оказались возле проверяющего. Затем пошел за ящиком и легко вскрыл его о край бронированной двери грузовика. Понимая, что после операции всех могут проверить, он выхватил из ящика несколько пачек сторублевых и старательно запихал их под бампер машины.

Дело было сделано. Запомнив номер грузовика, «Новенький», холодея от страха, понес ящик проверяющему. Тот мельком взглянул на номер и кивнул в сторону топки.

– Много там еще? – устало спросил он.

– Нет! – ответил «Новенький», чувствуя, как сердце наполняется ликованием. – Минут за десять управимся...

Глава 1

Павел Кулагин, заместитель директора ФСБ, заложив руки за спину, нервно расхаживал по кабинету генерал-лейтенанта Орлова. Сам факт приезда Кулагина говорил о важности проблемы, стоящей перед ним.

Орлов сидел на своем привычном месте. Не отрывая глаз от Кулагина, он тихо барабанил пальцами по столу. Стороннему наблюдателю (если бы таковой мог присутствовать здесь) могло показаться, что Орлов наблюдает за партией теннисного матча, а отнюдь не обсуждает у себя в кабинете проблемы государственной важности. Наконец Орлов не выдержал.

– Да перестань ты шататься, как маятник! – раздраженно остановил он движение Кулагина. – У меня от гуровских хождений голова кругом идет. Теперь еще ты из угла в угол путешествуешь. Вот возьми конфетку погрызи, если нервную энергию девать некуда!

Кулагин остановился, а затем вернулся к столу Орлова. Он действительно взял предложенную конфету и отправил ее в рот. Облокотившись обеими руками на стол, Кулагин пристально посмотрел в лицо генерала.

– Так ты мне дашь своего Шерлока Холмса или нет? – требовательно спросил он.

Орлов недовольно поморщился и откинулся на спинку кресла. Ему даже не хотелось отвечать, потому что замдиректора ФСБ предлагал совершенно невероятное дело. Впрочем, Орлову льстило такое предложение контрразведчика.

ФСБ и МВД постоянно находились друг с другом в натянутых отношениях. Если не сказать больше! Их соперничество уходило в незапамятные времена и никогда не прекращалось.

Сейчас Кулагин предлагал Орлову не просто сотрудничество. Он был готов передать своих людей под команду его гениального сыщика. Во-первых, потому, что ФСБ напрочь провалилось в расследовании дела. А во-вторых (впрочем, можно поменять эти факты местами!), потому, что лучше Гурова сыщика все равно не было.

– Ну уж нет. Леву я тебе никогда не дам. Это точно, – ухмыльнулся Орлов, глядя в глаза контрразведчику. – Если кто-то что и даст, так это ты ему. Своих людей. Но, Павел, ты сам-то соображаешь, что ты просишь? Это абсолютно не в его компетенции. Как Гуров говорит: «Не мой курятник».

– Да пойми ты, Петр, – попытался убедить генерала Кулагин. – Это дело государственной важности, а не моя прихоть! Тебя оно касается не меньше, чем ФСБ. Потому что в итоге в дерьме окажутся все. И по самые уши!

Кулагин продолжал говорить, но Орлов его уже почти не слушал. Он в который раз прокручивал в уме все, что узнал от контрразведчика, и не понимал, чем может помочь им Гуров. Наконец генерал решился. Он остановил разглагольствовавшего о судьбах отечества Кулагина взмахом руки и предложил:

– Давай-ка вызовем Леву и с ним решим этот вопрос.

Кулагин недовольно фыркнул, но возражать не стал. Он давно знал и Гурова, и Орлова. Уважал их обоих, но привыкнуть к таким отношениям между начальником и подчиненным не мог.

Впрочем, ничего другого, кроме как согласиться, Кулагину и не оставалось. Он сел на один из стульев и принялся ждать Гурова.

Гуров появился минуты через три после звонка генерала. В первую секунду полковник удивленно посмотрел на Кулагина, которого никак не ожидал здесь увидеть. Затем Гуров легко справился со своим удивлением, сдержанно поздоровался с обоими генералами и сел.

– Лева, Павел тебе предложение сделать хочет. – Орлов недоуменно пожал плечами, словно сам о таком не додумался бы.

– Извините, но я уже замужем, – усмехнулся полковник.

Оба генерала, настроенные серьезно, не ожидали, что кто-то сейчас может шутить. Орлов едва не поперхнулся, а Кулагин удивленно вытаращил глаза. Затем оба рассмеялись. Гуров, недоуменно улыбаясь, переводил глаза с одного на другого.

– Не обращай на нас внимания, Лева. Мы тут до тебя едва друг другу глотки не перегрызли. Спасибо, что разрядил обстановку! – отсмеявшись, проговорил Орлов. – Интересно, кто у кого паясничать научился? Ты у Крячко или он у тебя?

– Обижаете, ваше высокопревосходительство! Кто из нас старший? – театрально-расстроенным голосом проговорил Гуров. – Так что у вас произошло?

– Это хорошо, что у тебя настроение отличное, – улыбнулся Орлов. – А то тут Пашка такую ахинею несет... Впрочем, пусть он сам все расскажет.

Кулагин поднялся со своего места и подошел к столу Орлова. Не заставляя себя упрашивать, он изложил суть дела. Гуров слушал, не перебивая, автоматически просчитывая варианты развития событий...

Пару месяцев назад из Центробанка в ФСБ поступила информация о том, что в одном из хранилищ банка обнаружены радиоактивные сторублевые купюры. Причем в таком количестве и с такой дозой облучения, что захватывало дух.

Информацию проверили и отдали приказ об уничтожении зараженной партии банкнот. Причем вместе с контейнерами. Сотрудники ФСБ и инспектора банка бросились проверять источник поступления этих денег.

В ходе проверки оказалось, что зараженные деньги могли поступать в Центробанк в течение полугода. Поэтому определить источник их поступления было невозможно. Лучшие спецы ФСБ, налоговой и Центробанка два месяца пытались найти хоть одну зацепку. Но их усилия оказались тщетны.

– Теперь ты хочешь, чтобы я нашел людей, заразивших деньги? – спросил Гуров, едва Кулагин закончил говорить. – Почему милицию сразу в известность не поставили?

– Да ты с ума, Лева, сошел! – Кулагин посмотрел на полковника, словно на ребенка. – Никто не знает, сколько еще радиоактивных купюр может быть на руках у населения. В каждой такой бумажке радиации хватит, чтобы месяца за четыре тебя в могилу свести! Представь, что начнется, если обыватели узнают, какими денежками они зарплату получают. Малейшая утечка информации, и столько голов полетит, что под президентом кресло закачается!

– Под тобой тоже? – скорее констатировал, чем спросил Гуров.

– Да что обо мне-то говорить! – Кулагин безнадежно махнул рукой. – Меня сожрут, не поперхнутся.

Гуров встал и заходил по комнате. Орлов тяжело вздохнул и закрыл глаза, чтобы не видеть этого топтания. Кулагин некоторое время смотрел на Гурова, а потом не выдержал и рывкнул:

– Да сядь ты, Лева! И так голова кругом идет.

Орлов удивленно открыл глаза и расхохотался. Недоумевающему Гурову он объяснил, как двадцать минут назад сам так же осадил Кулагина. Сыщик на этот раз веселья генерала не поддержал.

– Какие отработывались версии? – Он сел напротив Кулагина.

– Так ты что, решил за это дело взяться? – Орлов удивленно взглянул на полковника.

– А ты меня не за этим сюда вызывал? – съехидничал Гуров.

– Петр, а твои подчиненные дальновиднее тебя оказались! – обрадованно потер руки Кулагин. – Лева, ни о чем не волнуйся. Я тебе и людей дам, и технику предоставлю. Ты, главное, найди мне этих скотов...

– Паша, а ты случайно не забыл, у кого в кабинете находишься? – поинтересовался Орлов. – Лева пока еще мой подчиненный. И мы с тобой еще ничего не решили!

– Ну, началось, – тяжело вздохнул Гуров. – Пойду я, пожалуй. А то у нас всегда получается, что если паны дерутся, то у холопов чубы трещат. Меня Мария лысым домой точно не пустит...

– Лева, сядь! – рявкнул Орлов. – Убийство Аджиева кто будет расследовать?

– Сашка Веселов, – ответил Гуров, опускаясь на стул. – Там ничего срочного нет. Пару деньков подождать может.

– Пару деньков?! – Орлов едва не подскочил. – Пашкины орлы два месяца бились, чтобы в итоге дырку от бублика отыскать. А ты все за пару деньков решить вздумал?

Гуров, казалось, не обратил внимания на вспышку генерала. Он спокойно взял со стола Орлова пачку «Кэмела», достал сигарету. Кулагина такое хладнокровие сыщика восхитило. А Орлов совершенно неожиданно успокоился. Он отобрал у Гурова пачку и бросил ее в ящик стола.

– Свои когда курить начнешь, халявщик? – спросил генерал и пожаловался неизвестно кому: – Уже и слова старику сказать не дадут. Можно подумать, я не о деле беспокоюсь...

– О деле, Петр. О деле, конечно, – ухмыльнулся Гуров, выпустил струю дыма в потолок и продолжил начатую мысль: – Думаю, двух дней нам с Крячко хватит, чтобы хорошенько проанализировать всю информацию по этим деньгам. Затем мы ребятам из ФСБ задачку поставим, и пусть они рыщут. Мы своими делами займемся, а параллельно и их работу отслеживать будем...

На этом и порешили. Кулагин наконец-то смог ответить на вопрос Гурова по поводу версий облучения денег. Собственно говоря, ничего оригинальнее подрыва политического равновесия в стране его люди придумать не смогли. Впрочем, ничего другого Гуров от них и не ждал. На то они и органы госбезопасности, чтобы о политике в первую очередь думать.

Всю заключительную часть беседы Орлов просидел нахохлившись, словно воробей на ветке. Генералу не понравилось, что Гуров и Кулагин решили все без его участия. Впрочем, Орлов помалкивал. Он сам предложил дать Гурову возможность выбора. Поэтому и обижаться на того было глупо. Но Орлов не ожидал от подчиненного такой прыти. Поэтому и принять случившееся спокойно не мог.

Едва Гуров с Кулагиным закончили обсуждение версий, Орлов сухо попрощался с ними, сказав, что трепаться о своих делах оба могут в другом месте. У него, дескать, без них дел полно.

Гуров с Кулагиным понимающе переглянулись. Оба встали, попрощались с генералом и вышли из кабинета. Глядя им вслед, Орлов вызвал по селектору Верочку и попросил приготовить ему кофе.

– Почему вся молодежь такая прыткая? Не успеешь вопрос задать, а у них уже и ответ готов, – горестно спросил генерал неизвестно у кого. И тут же поправился: – Впрочем, Гурова молодым никак не назовешь. У него, поди, уже где-нибудь внуки бегают...

Сыщик распрощался с Кулагиным в коридоре, пообещав выйти на связь, как только он решит, что нужно сделать для поиска структуры, передавшей в Центробанк радиоактивные сторублевки. Кулагин пошел к выходу, а Гуров направился к себе в кабинет.

– Что на этот раз Петру понадобилось? – спросил его Крячко, едва полковник закрыл за собой дверь.

Станислав восседал в кресле Гурова, положив ноги на его письменный стол. Не отвечая на вопрос, Гуров подошел ко второму столу, стоявшему в кабинете, взял с него пачку «Мальборо» и неожиданно запустил ею в Крячко. Станислав едва успел увернуться. Он убрал со стола свои ноги в остроносых ковбойских сапогах, поднял с пола брошенную пачку и, покрыв пальцем у виска, удивленно спросил:

– Совсем тебя маразм одолел? Такими ценными вещами раскидываешься! Свои купи, а потом кидайся!

– В следующий раз положишь ноги на стол, я в тебя чем-нибудь потяжелее запущу, – пообещал Гуров. – Проваливай с моего кресла.

– Тебя там генерал не покусал? – осторожно поинтересовался Крячко, старательно обходя стол с другой от Гурова стороны. – А то, может, тебе сорок уколов в живот сделать нужно? Может, не поздно еще? Жалко тебя пристреливать будет...

– Я вот Орлову доложу, какого ты о нем мнения, – ухмыльнулся Гуров и сел в кресло. – Слушай, ковбой, что за дельце нам подсунули...

Гуров вкратце рассказал Станиславу то, что сам недавно узнал от Кулагина. В его изложении проблема радиоактивных купюр выглядела не такой безнадежной, какой была на самом деле. Но Крячко кажущаяся простота не обманула. Он достал из кармана ту самую пачку «Мальборо», закурил и удивленно посмотрел на Гурова.

– И ты сам сунул голову в эту петлю? Я был о тебе лучшего мнения...

– С каких это пор ты у нас такой разборчивый стал? – Гуров уничтожающе посмотрел на Станислава. – Или испугался замазанным оказаться? Дескать, пусть ФСБ за все отвечает, а мы в стороне постоим и поаплодируем их поражению? А то, что какая-то тварь на тот свет прорву людей отправить могла, тебя не волнует? Тебя, Стас, не волнует, что сейчас, может быть, масса народа уже заражена лучевой болезнью? Бабушки, которым выдали радиоактивными сторублевками пенсию, учителя, врачи и бог весть еще кто?

– Ты чего раскипятился, словно чайник на плите? – с обидой в голосе остановил Гурова Станислав. – Я от работы никогда не отказывался. А на вопросы твои идиотские отвечать не собираюсь! Ты у нас высокоморальный тип, вот и отвечай на них сам.

– Извини, Стас. – Гуров потер переносицу. – Просто, как представляю, что у Марии в кармане может сейчас лежать такая сторублевка, убить всех вокруг готов.

– Так бы сразу и сказал, – усмехнулся Крячко. – А то разорался, как боцман во время аврала.

Гуров промолчал, и на некоторое время в кабинете наступила тишина. Крячко раздумывал над проблемой, выпуская в потолок кольца табачного дыма. Наконец он потушил в пепельнице сигарету и посмотрел на Гурова.

– Не разбегайся, прыгай! – подбодрил его полковник.

– Я думаю, Лева, – задумчиво протянул Крячко, – ребята из ФСБ не так уж не правы. Их версия имеет право на существование...

– Это и все, что ты надумал? – ехидно спросил Гуров. – Богатая у тебя фантазия!

– Не беднее прочих. – Крячко состроил комичную гримасу. – Ты бы дослушал, а потом выводы делал.

Гуров поднял руки, показывая, что не намерен дальше спорить. Он и поддел-то Станислава специально. Гуров давно заметил, что в несколько обиженном состоянии Крячко начинает работать намного эффективнее, словно стараясь опровергнуть замечания друга. В такие моменты у Станислава иногда рождались гениальные идеи. На этот раз не получилось!

– Есть еще одна мысль, – продолжил излагать Станислав. – Сторублевки могли оказаться зараженными случайно. Во время их изготовления, например.

– Это как? – удивленно посмотрел на него Гуров.

– Ну, краску им поставили радиоактивную, – пожал плечами Крячко. – Или металлические нити каким-то образом заражены оказались.

– Да-а! – восхитился Гуров. – С выводами по поводу твоей фантазии я поторопился. Ты, пожалуйста, и Рея Брэдбери переплюнешь! Ты хоть знаешь, где эти сторублевки печатались?

– Конечно. – Крячко посмотрел на Гурова как на идиота. – На Печатном дворе, естественно.

– Предположение логично, но не верно. – Полковник откинулся на спинку кресла. – Оборудование нашего Печатного двора не позволяет создавать столько степеней защиты на денеж-

ных знаках. Печатались банкноты в США. А у них контроль посерьезнее нашего. Да и при приемке купюры чем только не проверяли. Так что, Стас, ты пальцем в небо попал.

Гуров хитро прищурился. Он, улыбаясь, смотрел на Крячко, ожидая его реакции. Станислав выглядел несколько растерянным. Даже если не принимать во внимание слова Гурова, было и так очевидно, что предположение Станислава, мягко говоря, наивно. Мало вероятно, что такой казус мог произойти даже в нашей стране. Крячко понял это, хоть и с опозданием. Но не ехидничать он не мог. Такой уж у Станислава, как сейчас это принято говорить, стиль жизни.

– И все-то ты знаешь! – театрально восхитился он. – Не тяжело быть таким умным? Головушку мысли к земле не клонят?

– Хватит огрызаться, – миролюбиво отреагировал Гуров. – Есть у меня одна версия. Ты о нелегальной торговле оружием слышал?

– Нет! – фыркнул Станислав. – Как не слышал и о памперсах, прокладках и других атрибутах проклятой буржуазной жизни. При чем здесь торговля оружием?

– Штаты наложили вето на любое общение с несколькими нашими институтами, обвиняя их в передаче ядерных технологий Ирану. – Гуров словно не заметил издевательского тона Крячко. – Наше правительство, конечно, от всего откристилось. Но кто станет утверждать, что эти технологии не были проданы за рубеж нелегально? Под прикрытием этих институтов? А вместе с ними и расходные материалы...

– А расплатились иранцы с нашими торгашами нашими же «деревянными»! – Крячко рассмеялся. – Лева, ты моей фантазии завидовал? Так это зря! Уверяю, меня ты переплюнул. Куда мне до твоего гениально-бредового воображения!

– У тебя есть другие соображения? – обиженно взглянул на Станислава Гуров.

Крячко пожал плечами, но ничего не ответил. В кабинете вновь наступила тишина. Стало слышно, как кто-то за стенкой орет благим матом, кроя по матушке весь белый свет. Крячко прислушался к ругани и восхищенно ухмыльнулся.

– Вот дает! Послушай, – посоветовал он. – Нужно будет запомнить. Я такого еще не слышал. Так ругаться даже твоя Мария не умеет!

– Что ты мою жену во все бочки затычкой суешь? – удивился Гуров. – Хватит на дверь тарачиться. Давай-ка делом займемся.

– Что прикажете, ваше сиятельство? – Крячко мгновенно вскочил со стула и вытянулся по стойке «смирно». – Готов исполнить вашу высочайшую волю!

– Клоун, – констатировал Гуров. – Деньги в банк передаются в брезентовых мешках. От радиации они не защищают. Кулагин сказал, что четырех месяцев хватит, чтобы после облучения такой дозой копыта отбросить. Деньги передали в Центробанк от двух до восьми месяцев назад. Значит, люди, что привозили их, или заболели, или умерли. Твоя задача поднять в архивах больниц все случаи лучевой болезни и выяснить, кем являются облученные люди. Вот и все.

– Боже, как просто! – радостно воскликнул Крячко. – Всего-то на пару месяцев работы. И то если не есть, не спать и в туалет не отлучаться.

– Стас, иногда ты бываешь утомителен, – Гуров тяжело вздохнул. – Пораженных лучевой болезнью, скорее всего, обследуют в одном месте. Найди его – и получишь всю информацию сразу.

– А ты чем займешься, о великий? – Крячко подобострастно посмотрел Гурову в глаза.

– Пообщаюсь с ребятами из ФСБ, – невозмутимо ответил Гуров. – Нужно посмотреть, что им удалось накопать...

Глава 2

Отправив Крячко обследовать московские больницы, Гуров связался с Кулагиным – заместителем директора ФСБ едва успев вернуться в свое ведомство. Генерал был приятно удивлен темпами расследования, что набрал Гуров.

– Лева, рад тебя слышать! – проговорил Кулагин в трубку. – Чем порадуешь?

– Быстрый какой, – усмехнулся Гуров. – Обрадовать не обрадую, а вот озадачить, пожалуй, смогу. Кто у тебя руководил расследованием?

– Полковник Бурдин. А что? – Кулагин пытался понять, к чему клонит Гуров.

– Приказ об уничтожении банкнот он отдавал? – ответил вопросом на вопрос Гуров и, услышав утвердительный ответ, продолжил: – Человек надежный?

– Уверен, как в себе! – ответил Кулагин. – А что, у тебя появились какие-то соображения?

Гуров не ответил. После того как он узнал, что банкноты уничтожили, не переписав номера, в его голове мелькнула мысль, что это не простое головотяпство.

Человек должен быть профаном в розыске, чтобы так запросто уничтожить вещественные доказательства. И такое нарушение правил расследования наводило на мысль о злом умысле. Полковник Бурдин с одинаковой вероятностью мог быть как профаном в сыске, так и предателем. Тот факт, что ему за два месяца не удалось ничего выяснить, говорил о возможности и того, и другого варианта.

Сыщик не стал говорить о своих подозрениях Кулагину. Проверить свои предположения он сможет и сам. Да и незачем обвинять человека, не имея для этого никаких доказательств. В конце концов, Бурдин мог оказаться профессионалом в каком-то ином направлении.

В любом случае Кулагин ошибся, назначая Бурдина руководителем следственной группы. Незачем было указывать генералу на его ошибку. По крайней мере, пока. Гуров никогда не боялся сказать правду. Каким бы большим начальником ни был его собеседник. Но и портить отношения с Кулагиным в начале расследования не имело смысла. Поэтому сыщик и проговорил не то, что думал.

– Да нет, – спокойно сказал Гуров. – Просто мне с ним пообщаться нужно. Хотел узнать, что он за человек.

– Так бы сразу и сказал, – в голосе Кулагина послышалось облегчение. – А то наводишь тень на плетень. Я его пришлю к тебе.

– А вот этого делать не надо! – остановил генерала Гуров. – Незачем ставить твоего полковника в подчиненное положение по отношению к сотруднику милиции. Попроси его приготовить все бумаги. Я подъеду через час.

Не дожидаясь ответа генерала, Гуров повесил трубку. Полковник никогда не отличался особой дипломатичностью. Отсутствие умения играть в закулисные игры было одной из причин, по которой Гуров со всеми его талантами не дослужился до генерала. И вряд ли когда дослужится.

Однако с контрразведчиками ему работать уже приходилось. И не раз. Гуров прекрасно знал о том, какого они высокого мнения о себе. Поехать с отчетом в милицию, к равному по званию, для любого из них было равносильно оскорблению. И ничего хорошего из такого начала сотрудничества не получилось бы.

Когда Гуров просил Кулагина подготовить документы через час, он думал отнюдь не об удобстве сотрудников ФСБ в целом и полковника Бурдина в частности. Прежде чем посетить здание на Лубянке, Гуров собирался заехать в Центробанк.

Как и большинство жителей России, не имеющих никакого отношения к финансовой деятельности, полковник очень приблизительно представлял себе, чем занимается Центробанк, кроме не совсем успешной, если не сказать хуже, регулировки курса доллара.

Углубляться в тонкости финансовых операций не входило в планы Гурова. Полковник хотел лишь понять, кто, зачем и как переводит деньги в Центробанк.

Гуров ни минуты не сомневался, что в Центробанке встречать его с цветами никто не будет. В лучшем случае посоветуют пойти и успокоить зуд любопытства в другом месте. В худшем – пообещают устроить неприятности на службе. Мало ли, что он полковник. В Центробанк не каждого генерала пустят! Вот тут-то и должен был пригодиться Кулагин...

В Центробанке все получилось так, как и предполагал Гуров. Встретили его довольно прохладно и общаться не захотели. Пришлось открывать свои козырные карты. Имя генерала Кулагина подействовало магически: к Гурову стали относиться, как к родному.

Через три минуты после звонка на Лубянку полковник уже сидел в отличном кресле шикарного кабинета заведующего отделом поступлений ипил крепкий турецкий кофе. Сам заведующий в это время самозабвенно рассказывал о принципах работы Центробанка.

Некоторое время Гуров не вмешивался в его монолог. Но когда речь заведующего стала здорово походить на абракадабру, полковник не выдержал. Он отставил в сторону чашку с кофе, взял предложенную сигарету и попросил:

– А теперь, господин Демченко, повторите то же самое, но так, чтобы понятно было и ребенку.

От такой просьбы Демченко оторопел. Он и помыслить не мог, что в банк пришлют человека, который ни бельмеса не понимает в финансах. То, что подумал заведующий отделом, сам он, конечно, не сказал. Но для Гурова не составило труда прочесть мысли Демченко по его лицу. Заведующий подумывал о чем-то вроде того, что с таким пеньком, как Гуров, не стоит вообще разговаривать. Только время зря потеряешь.

– Господин Демченко, будьте столь любезны и переведите мне все на простой русский язык, – усмехнувшись, повторил Гуров. – И не нужно особо углубляться в подробности! Просто скажите мне, кто и зачем может переводить деньги к вам.

Заведующий отделом поступлений постарался взять себя в руки и вновь нацепил на лицо маску услужливой любезности. Объяснить процессы банковской деятельности общедоступным языком он явно затруднялся: не сумев подобрать нужные слова, Демченко иногда начинал изъясняться на языке жестов.

Худо-бедно, но к исходу двадцатой минуты разговора Гуров сумел составить себе достаточно хорошее представление о том, чем занимается Центробанк. Картина сложилась примерно такая: главную часть наличности Центробанк получает от изготовителей купюр. Некоторые, впрочем тоже немалые, суммы поступают после очередных валютных торгов в виде платежей от коммерческих банков и других финансовых организаций.

Немалую часть наличности предоставляет Сбербанк России, который получает платежи на счета налоговой инспекции, таможенной службы, судов, государственных нотариальных контор, загсов и прочего, прочего, прочего.

И, наконец, некоторые суммы Центробанк просто за плату принимает в свои хранилища от крупных финансовых структур. Именно эта услуга Центробанка и заинтересовала Гурова. Это была как раз та самая щель, через которую в Центробанк могли проникнуть радиоактивные банкноты.

– После хранения вы возвращаете клиенту те же самые деньги? – поинтересовался Гуров.

Демченко некоторое время непонимающе смотрел на него, пытаясь постигнуть смысл вопроса.

– Нет, ну что вы! – наконец сообразил он. – Подобное было бы слишком накладно при наших объемах наличных и их постоянном обороте. Естественно, клиент получает любые купюры на ту же самую сумму. Понимаете ли, у нас столько выплат бывает в день...

– Понимаю, – перебил полковник. – Спасибо за информацию. Я узнал все, что мне нужно. Прощайте. Хотя, может быть, мы еще встретимся.

На лице заведующего отделом откровенно читалось, что он надеется на обратное.

Гуров вышел из Центробанка и зябко поежился. Еще утром не по-октябрьски теплая погода испортилась в одночасье. Пока Гуров разговаривал с Демченко, северо-западный ветер занавесил небо над Москвой серыми низкими облаками. И они, казалось, ждали появления Гурова, чтобы брызнуть мелким морозящим дождем.

Полковник поднял воротник плаща и заспешил к своему «Пежо», припаркованному в отдалении.

От Центробанка до Лубянки по московским меркам было буквально шаг шагнуть. Несмотря на светофоры и плотное движение, Гуров добрался туда несколько раньше назначенного срока. Появляться у Бурдина раньше оговоренного времени было не очень солидно. Не по рангу, так сказать.

И все же дело есть дело. Гуров не стал, поглядывая на часы, ожидать, пока минутная стрелка дойдет до требуемой цифры. Мельком посмотрев на часы, сыщик выбрался из машины и вошел в подъезд мрачного здания, которым издавна пугали граждан.

Бурдин оказался крепким невысоким мужичком, лет на восемь моложе Гурова. Держался он с сыщиком довольно дружелюбно. Хотя и относился скептически к подключению «ментовского важняка» к следствию. Дескать, если уж ФСБ с ее возможностями не смогла отыскать концов, то остальным в это дело и соваться нечего.

– Раненько вы, Лев Иванович, – усмехнувшись, проговорил Бурдин, пожимая Гурову руку.

Хватка у него была неплохая, но до тренированного Гурова ему было далеко. Бурдин попытался сдвинуть руку полковника, но нарвался на достойный ответ и уважительно посмотрел на сыщика.

– Что выросло, то выросло, – ответил на полувопрос своей любимой поговоркой Гуров. – Не знаю, как у вас, но у нас говорят: волка ноги кормят. Документы готовы?

– Давно уже. – Бурдин выложил на стол две объемные папки. – Генерал приказал отдать их вам, если потребуется. Или здесь ознакомить.

Гуров быстро пролистал материал. Как он и ожидал, того, что нужно, здесь не оказалось. Гуров захлопнул папки и посмотрел на Бурдина.

– Я вижу, вы сотрудников коммерческих банков на наличие симптомов лучевой болезни не проверяли? – вопрос прозвучал обвинительным приговором.

– Смысла не было, – пожал плечами Бурдин. – Если кто-то и подхватил дозу, то проявится это не скоро. Потому как человек мог находиться с зараженными деньгами не больше нескольких минут. К тому же тот, кто организовал эту акцию, не мог не знать, что его исполнители получают ту или иную дозу. Он их давно отправил куда-нибудь в тепленькое местечко. Или попросту ликвидировал.

– Ну-ну, вам виднее, – с сомнением проговорил Гуров. – Папочки я у вас заберу. Изучу на досуге. А потом встретимся и обсудим, что можно предпринять в этом деле.

– Как вам будет угодно, – неожиданно развеселился Бурдин. – Где найти меня, вы знаете. Буду нужен, звоните!

Гуров вышел из здания ФСБ, думая о том, что разговор с Бурдиным получился совершенно дурацкий. Гуров и сам не знал, что он ожидал от общения с контрразведчиком. Поэтому, наверное, и получился у них диалог в духе Дюма: встретились два сильных фехтовальщика и давай друг другу галантно намекать на собственное превосходство, предлагая при случае скрестить шпаги.

Мальчишество какое-то! И зачем только Гурова понесло в ФСБ! Мог бы попросить приложить документы с посылным. Впрочем, все было сделано верно. Если не считать самого диалога. Союзников надо знать в лицо.

Едва Гуров забрался в не успевшее остыть уютное нутро «Пежо», как зазвонил сотовый телефон. Полковник вдруг решил, что случилось что-то с Марией, и лихорадочно схватил трубку.

– Слушаю вас! – почти закричал Гуров.

– Вот одурел на старости лет! Ты что орешь? – это был Крячко. У Гурова отлегло от сердца. – Слушай, Лева, может, тебя действительно Орлов чем-нибудь заразил? Приезжай ко мне. Проверим на всякий пожарный!

– Тебе чего нужно? – еще не до конца успокоившись, спросил Гуров.

– Да ничего, по твоему нежному голоску соскучился, – съехидничал Крячко. Затем, видимо, почувствовав, что Гуров сейчас начнет ругаться, исправился: – Шучу. Шу-чу! Отыскал я одного человечка интересного. По части Центробанка. Давай-ка рули ко мне. Я в Склифосовского...

До клиники института Гуров промчался как на крыльях. Полковник, конечно, лучше других знал о достоинствах Крячко как сыщика, но такой прыти и он не ожидал. Впрочем, сам Крячко, довольный собой, скромно потупив глаза, объяснил успех простым везением.

Конечно, тут не обошлось без обычного для Станислава паясничанья, но Гуров не обратил на это внимания. Гораздо интереснее была аккуратная больничная карта, заведенная на имя некоего Антона Борисовича Пешкова. В графе «место работы» было написано: «Центробанк РФ, подразделение охраны». А диагнозом значилось «белокровие, наступившее в результате получения высокой дозы радиации».

– Орден я тебе не обещаю. Зато дружеское похлопывание по плечу гарантировать могу. – Гуров посмотрел на Крячко. – Открой страшную тайну: как тебе это удалось?

– Орешек знания тверд. Но все же мы не привыкли отступать! – встал в театральную позу Станислав. – Лева, я же не профан. Позвонил в Министерство здравоохранения, задал нужный вопрос, получил требуемый ответ. А тут, в клинике, мне подняли все случаи за последние полгода. Эта карточка лежала почти на самом верху. Все. Бурные аплодисменты.

– Гениально, – согласился Гуров. – Ну и что ты думаешь по этому поводу, великий сыщик?

– А хрен его знает, – пожал плечами Крячко. – Парня госпитализировали для общего обследования. Сам он говорит, что служил в ракетных войсках и, кроме как там, получить дозу радиации не мог нигде. Врачи в этом сомневаются. Дескать, облучение не СПИД. Так долго ждать не будет. Пойдем к нему да сами и поспрашиваем...

Гуров спорить не стал. Получалось, что поймать дозу радиации Пешков мог только в банке. Но вот когда? Гуров решил подстраховаться.

– Стас, ты иди к Пешкову в палату, а я сделаю пару звонков, – проговорил Гуров и достал сотовик. – Я тебя догоню.

Крячко пожал плечами и пошел к выходу. Он давно привык к недомолвкам Гурова и уже не обращал на них внимания. Таков уж был стиль работы одного из лучших российских сыщиков. И ничего с этим поделать было нельзя.

Пешков лежал в отдельной палате. Крячко вошел к нему без стука и с хозяйским видом прошел к постели больного. Парень выглядел и в самом деле неважно. Но на умирающего похож не был. Станислав сел на край кровати и пощупал у удивленного Пешкова пульс.

– Ну и как себя чувствует потомок Горького? – участливо спросил Крячко.

– Кто? – не понял парень.

– Ты, темнота! – укоризненно покачал головой Станислав. – В школе учиться получше надо было. Тогда бы таких дурацких вопросов не задавал. У великого классика советской литературы настоящая фамилия была Пешков. Ты ему кем приходишься?

– Внучатой племянницей, – ответил вместо растерявшегося парня вошедший следом Гуров. – Кончай паясничать, Стас. Разговор будет серьезный. Гуров подошел к кровати Пеш-

кова и предъявил ему служебное удостоверение. То, что сыщик прочитал в глазах парня, полностью подтвердило его догадку. Гуров усмехнулся и неожиданно спросил, обращаясь к Пешкову:

– Куда деньги спрятал?

– Какие деньги? – Глаза парня забегали.

– Ворованные, – так же спокойно ответил Гуров.

Крячко удивленно переводил взгляд с одного на другого, но в разговор не вмешивался.

– Я в жизни ничего не украл! – возмущенно начал Пешков. – Какое вы имеете право...

– Господи, опять старая песня. Сколько раз я ее уже слышал, даже не упомяну, – устало вздохнул Гуров. – Стас, сходи в машину за наручниками. Не хочет парень здесь говорить, будем у нас допрашивать.

– Стойте! – Пешков подскочил на кровати, увидев, что Станислав пошел к выходу. – В прихожей, на антресолях. В коробке из-под обуви.

– Вот так-то лучше, – похвалил парня Гуров. – Дома кто есть?

– Жена. – Губы парня тряслись. – Она в декретном отпуске...

– Ну ты и придурок! – выругался Гуров и пошел к выходу.

– Как вы узнали о деньгах? – прокричал Пешков вслед. – Их ведь никто не считал!

– По пеплу, Антоша. По пеплу! – зло ответил Гуров и захлопнул за собой дверь.

На Павловскую улицу, к ДК завода имени Владимира Ильича, Гуров мчался, словно на пожар. По дороге они заехали в главк и взяли счетчик Гейгера. Именно поэтому Гуров так и торопился. Словно потерянные минуты решали чью-то судьбу.

Крячко сидел рядом с ним и молчал, не решаясь задавать вопросы. Станислав видел, в каком состоянии находится Гуров, и понимал, что сейчас от него ничего, кроме отборного мата, добиться не удастся. Полезней для здоровья будет дать полковнику перебеситься.

Молодая жена Пешкова, как и ожидалось, оказалась дома. Судя по размерам живота, женщина была минимум на седьмом месяце беременности. Она была столь напугана визитом сотрудников милиции, что ни в чем им перечить не смогла. Когда Гуров приказал ей одеваться и идти к машине, женщина лишь покорно кивнула головой.

– Стас, проводи ее! – Гуров вытолкнул обоих из квартиры и полез на антресоли.

Счетчик зачирикал, словно стая воробьев, завидевшая кошку. Гуров спрыгнул с табуретки и с силой ударил кулаком по стене. Несколько секунд он стоял, прислонившись к выцветшим обоям, а затем вышел из квартиры, громко захлопнув за собой дверь.

– Куда мы едем? – робко спросила молодая женщина, едва Гуров завел двигатель.

– В больницу, девочка, – устало проговорил полковник, не поворачивая головы. – Будем надеяться, что еще не поздно...

Глава 3

– А теперь давай рассказывай! – Крячко вошел в кабинет и бросил на стол перед Гуровым пачку «Мальборо». – Как ты парня вычислил?

Крячко только что вернулся из Института Склифосовского, куда отвозил на обследование беременную жену Пешкова. Возле ФСБ Гуров передал ему руль, а сам помчался в это уважаемое учреждение словно угорелый. Полковник только успел сказать Крячко, чтобы молодую женщину тщательно обследовали и госпитализировали, если это будет необходимо.

Станислав выполнил все распоряжения Гурова в точности. Он добрался до начальника отделения гинекологии и потребовал, чтобы он лично осмотрел будущую маму. Гинеколог сначала возмутился, но, узнав, что женщина могла получить солидную дозу радиации, заспешил в смотровую.

После предварительного осмотра ничего окончательного заведующий отделением сказать не смог. Женщине требовалась госпитализация и самое тщательное обследование. Крячко это устраивало. И он покинул институт, пообещав связаться с заведующим на следующий день.

Чем занимался в его отсутствие Гуров, Станислав, естественно, не знал. Но для того чтобы догадаться о действиях полковника, не нужно было быть семи пядей во лбу. Гуров просто обязан был вытащить спецгруппу с защитным снаряжением и изъять смертоносную коробку из квартиры Пешковых.

В том, что полковник сделал именно это, Станислав ни секунды не сомневался. Он понимал, что уничтожить оставшиеся радиоактивные банкноты без тщательного обследования Гуров никому не позволит. Поэтому и интересовало Крячко совсем другое. Станислав до сих пор не мог понять, как Гуров так быстро смог узнать о воровстве Пешкова.

– Что с женщиной? – не ответил на вопрос Станислава Гуров. Он достал из пачки сигарету и закурил.

– Пока ничего определенного сказать не могут. – Крячко опустил на стул. – Для общего обследования ее положили в Склифосовского. Завтра будут известны результаты.

– Проконтролируй все это, – устало вздохнул Гуров.

– Мне что, вместе с гинекологом ей обследование проводить? – съехидничал Станислав. – Или градусник в интересных местах ей придерживать? Лева, не сходи с ума! Там и без нашего участия прекрасно справятся.

– Ладно, умник. И без тебя все знаю. – Гуров усмехнулся. – Нельзя старому человеку заботу проявить...

– Это ты старый? – возмутился Крячко. – Да на тебе огород пахать можно. А то и колхозное поле!

На эту реплику Гуров не отреагировал. Вместо ответа он рассказал Крячко о том, как вычислил Пешкова. Прямо из кабинета, где Станислав изучал истории болезней, полковник позвонил в ФСБ.

Гурову была срочно нужна информация о Пешкове. Звонить в Центробанк было глупо. Пока бы там навели справки о том, имеет ли право Гуров на получение такой информации, и покопались в своих архивах, прошла бы целая вечность. Поэтому полковник позвонил сразу Бурдину.

Бурдин не стал задавать вопросы о том, зачем это понадобилось. Он просто связался со своего компьютера по сети с базой данных и выдал Гурову все через две минуты. Оказалось, что Пешков устроился в охрану Центробанка за две недели до того, как была обнаружена радиоактивная партия сторублевых купюр.

До момента уничтожения банкнот Пешков работал внутри здания Центробанка, проводя контроль безопасности в коридорах. Из-за того, что заболел один из охранников денежного

хранилища, Пешкова и послали на ликвидацию купюр. До этого он не принимал и не выдавал деньги. Не участвовал и в их сопровождении.

– Дальше было все просто, – подвел итог Гуров. – Охранники перевозили деньги в крематорий в специальном снаряжении. К тому же банкноты были в свинцовых ящиках. Что тоже гарантировало от получения дозы. Получалось, что Пешков как минимум распаковал один из ящиков. Мало того, просто открыв и посмотрев, такую дозу парень получить не мог, даже не будь он в защитном костюме. Вывод один: Пешков украл некоторую сумму из опломбированного ящика.

– А почему не целый ящик? – спросил Крячко.

– Ящики были пронумерованы и приняты к ликвидации по описи. – Гуров потушил окурок в пепельнице. – Ни один ящик не пропал. А подозревать всю группу ликвидации в преступном сговоре нельзя.

– Это почему? – Крячко продолжал играть дурачка.

– Стас, я тебя убью! – Гуров не выдержал и рассмеялся. – Просто потому, что в Склифосовского лежал бы тогда не он один! Ты думаешь, ФСБ таким совпадением не заинтересовалась бы?

Диалог друзей был прерван появлением посыльного из ФСБ. Это Бурдин любезно прислал Гурову результаты обследования купюр. Полковник расписался в получении пакета и поблагодарил посыльного.

Пока Гуров читал результаты экспертизы, Крячко нервно елозил на стуле, стараясь заглянуть в листки отчета. Гуров не обращал на него никакого внимания. Он спокойно дочитал все, только тогда передал отчет Станиславу.

– В принципе, ничего особо интересного нет. – Гуров посмотрел в потолок. – На купюрах следы изотопа урана-238. Что само по себе ни о чем не говорит. Никаких особых отличительных признаков не имеется. За исключением того, что часть этих купюр явно была ранее в обращении...

– Ты посмотри, Лева, за какую сумму этот олух себя едва не угробил и жену под монастырь подвел! – Крячко удивленно поднял глаза на Гурова. – Всего-то двести тридцать тысяч!

– А ты еще учти, каким количеством купюр он расплачивался после кражи. Не верю я, что Пешков не потратил ни копейки! – тяжело вздохнул Гуров. – Ладно, под лежачий камень вода не течет. Что выросло, то выросло. Иди, Стас, делай запрос по номерам купюр. Может быть, где-то они и фигурировали.

– Да, Лева, что я еще хотел спросить, – остановился в дверях Крячко. – На Пешкова заводить уголовное дело будем?

– Нет, – твердо ответил Гуров. – Он уже достаточно наказал и себя, и свою семью. Хватит с него и этого.

– ФСБ тебе это не даст на тормозах спустить, – пообещал Станислав.

– А при чем тут ФСБ? – хмыкнул Гуров. – Это не их юрисдикция. Хватит лясы точить. Иди работать. Время придет, тогда с этим делом и разберемся.

Оставшись один, Гуров открыл папки с документами, полученными от Бурдина. Полковник попытался сконцентрироваться на изучении дела, но ничего из этого не получилось. Мысли упрямо возвращались к Пешкову и его жене. Представив, что на месте этой женщины могла оказаться Мария, Гуров нервно поежился.

Наконец терпение сыщика лопнуло. Гуров понял, что до тех пор, пока не позвонит Марии, нормально работать он не сможет. До начала спектакля время еще было. Поэтому Строева не должна разозлиться из-за звонка мужа.

Все дело было в том, что перед началом спектакля Мария запиралась в своей гримерной и никого к себе не пускала. Ей необходимо было сконцентрироваться. Вжиться в роль и

стать единым целым с тем человеком, судьбу которого предстоит показать зрителю. Тревожить Строеву в такие моменты было все равно что дергать тигрицу за усы.

Даже Гуров очень редко решался на такое. Поэтому он и посмотрел на часы, прежде чем набрать номер телефона. Сейчас позвонить еще было можно. Минут через десять будет уже поздно. И ничего другого, кроме неприятностей и ссоры с женой, Гурову такой звонок принести не мог бы. Полковник уверенно набрал номер и попросил Марию к телефону.

– Что случилось, милый? – удивилась Мария, едва взяв трубку. – Я уже боюсь выходить из театра! Мир наверняка перевернулся, раз ты решил позвонить мне на работу...

– К сожалению, все еще на своих местах, – улыбнулся Гуров. – У тебя есть сторублевые купюры?

– Только не говори, что вам опять начали задерживать зарплату. – Гуров живо представил себе, как Мария закатила глаза. – Мой дистрофичный кошелек этого не выдержит. Его тут же хватит девальвация.

– Мария, я серьезен, словно ксендз на проповеди! – Гуров попробовал не рассмеяться. – У тебя есть сторублевые купюры?

– Нет. Разве я когда-нибудь дождусь, чтобы ты сторублевками мне кошелек наполнял? Взятки бы, что ли, брать начал! – Мария явно не понимала, к чему клонит Гуров. – Зачем тебе сторублевка?

– Мне ни к чему. Да и тебе тоже. – Гуров чмокнул телефонную трубку. – Вот теперь, милая, я спокоен и могу нормально работать...

– А я нет! – перебила его Мария. – Ты белены объелся? Или у вас в ментовке теперь приколы такие?

– Ни то и ни другое. Расскажу вечером. А пока целую! – Гуров положил трубку, не дожидаясь новых расспросов.

Едва полковник закончил разговор, как появился Крячко. Станислав подозрительно посмотрел на Гурова, обошел вокруг него и сел на стул напротив. Не говоря ни слова, Крячко уставился прямо в лицо полковника, словно узрел восьмое чудо света.

– Слушай, Гуров, как тебе это удастся? – с тем же выражением на физиономии спросил Станислав. – Может, после заражения бешенством у человека обостряется чутье? Словно нюх у собаки. Тебя надо почаще в одной комнате с Кулагиным держать. После этого ты становишься безобразно гениальным!

– Ну и?.. – Гуров спокойно посмотрел на напарника. – Не разбегайся, прыгай.

– До чего ты скучен, Гуров! – С таким выражением лица, какое изобразил Крячко, смотрят только на безнадежно больных. – Как тебя Мария терпит?

Гуров оставил эту реплику без внимания. Крячко повторял ее с нерегулярной периодичностью. Но делал это настолько часто, что вопрос о терпимости Марии стал чуть ли не притчей во языцех. Крячко ответа на свой вопрос не дождался. Станислав тяжело вздохнул, развел руками и рассказал то, что успел узнать. А куда ему было деваться!

Из кабинета Гурова Станислав пошел напрямик в компьютерный отдел. Он выложил перед специалистами листок с номерами купюр и попросил посмотреть, не фигурировали ли в каком-нибудь деле хоть какие-нибудь из них. Ответ появился на экране IBM через полторы минуты.

Две из перечисленных купюр фигурировали в деле о похищении человека! Станислав не надеялся, что с определением номеров банкнот выйдет что-то путное. Он считал эту операцию простой формальностью. Поэтому Крячко это настолько удивило, что он попросил специалистов проверить еще раз. Ответ на запрос пришел тот же самый.

Около года назад в Чечне был похищен Виктор Скоков, журналист известной газеты. С его женой связались почти сразу и, естественно, потребовали выкуп. Похитители пригрозили, что отрежут ее мужу кисть руки, если женщина попытается связаться с милицией или ФСБ. Что

самое интересное, так это требование похитителей. Они хотели, чтобы сумма выкупа непременно была в рублях!

Жена журналиста спорить не стала. Она выполнила все требования. В первую очередь потому, что ни капли не надеялась на то, что компетентные органы смогут отыскать и освободить ее мужа. Невесть какими путями, но требуемую сумму женщина набрала.

Выкуп она заплатила. Мужа ей вернули. Вот тогда и выяснилось, что дамочка обожает читать детективы: перед выплатой нужной суммы она переписала все до единого номера банкнот. Вот с этим списочком они вместе с мужем пошли в милицию.

Заявление у Скоковых приняли. Обещали принять меры, но на этом все и закончилось. Ни одного следа уплаченной суммы отыскать не удалось. До сего дня. Получается, что плохо искали.

– Я поражаюсь вашему гениальному предвидению, мистер Шерлок Холмс, – сострил Крячко. – Но что нам это дает? Ну получили похитители деньги. Потратили их. Часть суммы вернулась в Москву. Что дальше? Остается только сгонять к Скоковым и обрадовать их, что нашлись двести рублей из суммы выкупа. Затем огорчить журналиста тем, что и эти денежки он не получит. Поскольку они теперь радиоактивные и их в данный момент, извините, уничтожают! После этого останется только взять автограф и помахать тете с дядей ручкой!

– Стас, если ты ждешь от меня еще одного гениального озарения, то ошибаешься. Лимит на сегодня исчерпан. – Гуров сочувствующе посмотрел на Станислава. – Поеду сейчас к Скоковым и поговорю. И не смотри на меня бешеными глазами! Я сам не знаю, зачем это делаю. Но что-то делать надо. Иначе мы, как и ФСБ, просидим два месяца и вернем дело с теми же результатами, с какими начинали.

– Знаешь, Лева, иногда я тебя не понимаю, – безнадежно проговорил Крячко. – Как ты умудряешься, делая такие нелогичные поступки, еще и оставаться сыщиком?

– А вот это, Стас, военная тайна, – ухмыльнулся Гуров. – Пытаться разгадать ее бессмысленно. Поэтому займись изучением документов из ФСБ, пока я со Скоковыми разговариваю.

Не сказав больше ни слова, Гуров снял с вешалки плащ и вышел из кабинета. Полковник не понимал, как Крячко может не видеть очевидных вещей. Радиоактивное заражение сторублевых купюр – дело противозаконное. При каких бы обстоятельствах это ни произошло.

Маловероятно, что кто-то потратил на такую акцию полтора миллиарда рублей, добытых законным путем. Для этих целей у нас в стране еще «черный нал» существует. Да и деньги с выкупов за похищенных вполне могут пригодиться. Тем более что похитить человека в России пока не сложнее, чем до ветра по нужде сходить.

Первый найденный след вел в Чечню. Отвергать его только из-за того, что кто-то раньше ничего не смог откопать по делу о похищении Скокова, было совершенной глупостью. Тогда не стоило вообще браться за поиск людей, заразивших радиацией банкноты. Ведь ФСБ-то с этим не справилась!

Гуров прекрасно понимал, что Скоков ничего о зараженных купюрах не знает. Не знает он и того, куда пошел выкуп, выплаченный за него. Но журналист или его жена могут вспомнить какие-нибудь детали, дать хотя бы крохи информации о похитителях, на которые ранее не обратили внимания. Тогда, может быть, и удастся за что-то зацепиться.

Впрочем, на «чеченский след», как назвал для себя Гуров информацию о номерах банкнот, полковник больших надежд не возлагал. Скорее удастся найти зацепку в информации ФСБ.

Поэтому Гуров и посадил Станислава изучать документы. В ответственности и исполнительности Крячко сомневаться не приходилось. Пусть Станислав и не всегда может сделать правильные выводы из информации, но уж систематизировать ее и составить собственную теорию у него получится лучше, чем у кого бы то ни было.

Скоков жил на улице Климашкина, рядом с Грузинской площадью. Когда Гуров добрался туда, дождик усилился. Погода испортилась. И, похоже, надолго.

У нужного Гурову дома все обочины были забиты припаркованным транспортом. Остановиться пришлось метрах в двухстах, да еще и на другой стороне улицы. Гуров посмотрел несколько секунд на дождь, выбрался из машины и, подняв воротник плаща, побежал к нужному подъезду.

Самого Скокова дома не было. Дверь Гурову открыла его жена Лариса. Красивая молодая женщина с твердым и открытым взглядом. Она впустила Гурова в квартиру, не задавая лишних вопросов. Предложила кофе и попросила подождать в гостиной, пока она его приготовит.

Ожидая хозяйку, Гуров осмотрелся. Планировка квартиры была неплохая, но вот обстановка гостиной могла бы быть и попроще. Как-то не вязалась скучная мебель со статусом семьи Скоковых. Впрочем, Гуров сделал вывод, что это легко объяснить: все было продано тогда, когда Лариса собирала деньги для выкупа мужа.

– Я так понимаю, что вы пришли по поводу похищения Виктора. – Лариса неслышно подошла сзади. – Что-нибудь выяснилось?

В вопросе Скоковой никакой надежды не слышалось. Видимо, и задала его она только для того, чтобы как-то начать разговор. Гуров понимал состояние женщины. После года ожиданий надеяться на какие-либо положительные сдвиги мог лишь самый отчаянный оптимист.

Полковник не стал ходить вокруг да около. Он сразу рассказал о цели своего визита. Естественно, о радиоактивных струблевках Гуров умолчал. Поэтому его слова прозвучали правдой лишь наполовину.

– Я уже рассказывала все другому следователю, – пожалала она плечами. – Не знаю, что можно сказать еще.

– Я не следователь, я сыщик, – улыбнувшись, поправил Гуров Ларису. – Поэтому и методы работы у меня несколько иные. Давайте попробуем вспомнить все еще раз. Может быть, выяснится что-то такое, что ранее осталось незамеченным.

Вздыхнув, Лариса в сотый раз рассказала, что случилось с ней и ее мужем. Гуров слушал ее, не перебивая. Он лишь мысленно делал для себя пометки, запоминая то, на чем нужно заострить внимание. Рассказ Ларисы получился коротким и ничего нового к уже известному не добавил. Однако несколько интересных мыслей у Гурова появилось.

– Значит, вы утверждаете, что ваш муж вылетел в Грозный неожиданно? – спросил Гуров, едва Скокова закончила говорить. – Когда пришло первое сообщение с требованием выкупа?

– Виктор позвонил мне почти сразу после перелета. Через час раздался новый звонок, – печально произнесла Лариса. – Мужской голос сообщил мне, что Виктор похищен, и приказал ждать нового звонка. Ни с кем не связываться и ни в коем случае не сообщать о похищении в милицию.

– А вам не показалось, что похищение было спланировано? – спросил Гуров.

– Конечно! – Лариса удивленно посмотрела на сыщика. – Человек из штаба Дудаева позвонил в редакцию и попросил срочно прислать корреспондента. Дескать, они хотят сделать сенсационное заявление. Виктора отправили сразу после звонка. Даже домой непустили, чтобы вещи собрать. Сказали, что он обернется за один день. Я думаю, что ничего дудаевцы газете сообщать не хотели. Им просто нужен был известный человек, чтобы взять за него выкуп.

– Я совсем не о том спросил. – Гуров терпеливо дослушал до конца. – Разве из штаба Дудаева не звонили в газету и не выражали удивления, что им не прислали журналиста?

– Звонили. Но все это только для прикрытия, – пожалала плечами Лариса. – Разве эти гады когда-нибудь признают, что воруют людей!

У Гурова были на этот счет свои соображения. Но спорить он не стал. Скокова верила в свою правоту. Не став спорить с Ларисой, Гуров поинтересовался:

– Кто знал, что ваш муж вылетает в Грозный?

– Заместитель главного редактора Стешенко, – сказала Лариса. – Главного в тот день не было в редакции. Стешенко и принял сообщение по телефону. А затем отправил Виктора в командировку. Андрей Анатольевич очень хороший человек. Когда я поняла, что не соберу денег, то пошла к нему. Он смог дать нам кредит из фондов газеты. Без этого я ни за что бы не спасла Виктора...

Глава 4

Полтора миллиарда рублей – сумма немалая. А если учесть, что сторублевых банкнот могло быть и больше, то проследить их путь, по теории, не являлось трудной задачей. На деле оказалось все наоборот.

Вся беда была в том, что источников поступления денег было слишком много. Впрочем, как и теорий их появления в Центробанке. Крячко уже в третий раз просматривал материалы ФСБ, но ничего интересного на ум ему не приходило.

Сотрудниками ФСБ, Центробанка и налоговой инспекции было произведено тщательное расследование на самом высшем уровне. Но вместо конкретного результата получили абстрактную дырку от бублика.

Больше всего Станислав жалел о том, что не имеет экономического образования. Почти единственными понятными ему цифрами были даты поступления платежей и их суммы. Остальная мешанина из цифр и специальных терминов со скрежетом врывается в сознание Крячко и с еще большим грохотом вылетала оттуда, не оставляя ни одного запомнившегося аргумента.

В итоге Станиславу надоело вникать в расследование ФСБ. Крячко попытался отрешиться от их аргументов и создать свою теорию происхождения. Все аргументы специалистов упирались в то, что сторублевые банкноты поступили в банк не в форме единовременного платежа – зараженные купюры оказались в разных концах хранилища.

Существовала, конечно, и теория единовременной выплаты. Никто не отрицал, что купюры могли оказаться в разных концах хранилища просто потому, что не было возможности поместить их в одном месте. Впрочем, этот вариант не рассматривался.

Во-первых, таких случаев, чтобы один клиент сдавал в Центробанк сразу полтора миллиарда рублей, было всего несколько. Во-вторых, одновременный приток такой большой массы радиоактивных денег непременно бы существенно сказался на общем фоне хранилища и был бы зафиксирован датчиками.

Ну а в-третьих, исходя из теории намеренного заражения купюр с целью дестабилизации обстановки в стране (чего упорно придерживалась ФСБ), риск обнаружения дефекта банкнот был столь велик, что злоумышленник попросту на него не решился бы.

Исходя из места расположения зараженных купюр и еще каких-то бухгалтерских подробностей, связанных с особенностью поступления в Центробанк наличности, специалисты ФСБ пришли к выводу, что преступник произвел три перевода денег. Каждый раз по пятьсот миллионов.

Срок в шесть месяцев определялся теми же непонятными Крячко аргументами финансистов. Единственное, что из этих цифр было Станиславу совершенно ясно, так это то, что запасы наличности Центробанка обновляются почти на сто процентов именно через каждые шесть месяцев.

За полгода до обнаружения радиоактивности купюр поступлений по пятьсот миллионов было около семидесяти. Все их также никто не рассматривал. Специалисты ФСБ проверяли только те фирмы, которые переводили суммы от пятисот миллионов и выше трижды за истекший срок.

Затем из списка вычеркнули Сбербанк России и ММВБ (на бирже Центробанк ни разу не покупал трижды за полгода такие солидные суммы у одной организации). По той же причине из списка подозреваемых был сразу вычеркнут и производитель денежных знаков. Впрочем, как раз его-то в качестве подозреваемого всерьез не рассматривал никто.

В итоге осталось всего три банка, от которых трижды поступали вышеозначенные суммы. Один из этой тройки постоянно давал Центробанку деньги на хранение. Второй старательно

спасался от банкротства. Ну а третий через Центробанк финансировал некоторые оборонные проекты.

Именно третий банк специалисты ФСБ проверяли с особой тщательностью. Но ничего компрометирующего найти не сумели. Ну очень законопослушными оказались руководители банка! Прямо хоть на Доску почета вешай.

Станислав в такое поверить просто не мог. В своей гипотезе он поставил на первое среди подозреваемых место именно этот банк. Собственно, «своей» эту теорию Крячко называл с неким оттенком иронии. Потому что отрицать мотив заражения купюр радиационным излучением, обоснованный в отчетах специалистов ФСБ, Станислав не мог. Просто ничего иного ему в голову не приходило.

Сделав такие выводы, Крячко попытался придумать хоть какой-нибудь способ проверки своих предположений. Из этого тоже ничего не получилось. Дело в том, что спецслужбы проверили о банках буквально все. Начиная от пионерского прошлого руководителей этих финансовых организаций, кончая степенью законопослушности каждого клиента или партнера банков. Разве что к пенсионерам, хранящим там свои сбережения, с расспросами не приставали.

Результат, как уже известно, оказался нулевым. Некоторые сомнения вызывали платежи банка, пытавшегося спастись от банкротства. Но и здесь все оказалось чистым. Часть сумм банк получал от своих кредиторов. Другую часть вкладывала крупная немецкая фирма, желавшая прибрать разоряющийся банк к своим рукам.

Станислав откинулся на спинку гуровского кресла и беспомощно осмотрел кабинет. Ничего оригинального в голову не приходило. И единственную мысль можно было сформулировать двумя предложениями: «Подвесить всех этих гадов на дыбу. И пытаться, пока сами не сознаются!»

Не слишком свежо? Но зато актуально!

Гуров вышел из квартиры Скоковых и в раздумье спустился к своей машине. В этот раз полковник не обратил на погоду внимания. Все его мысли были о состоявшемся минуту назад разговоре.

Предположение о том, что похищение журналиста было организовано здесь, в Москве, приобретало все более осязаемые очертания.

Никаких реальных доказательств этого предположения Гуров не имел, но чувствовал, что пока довольно расплывчатые догадки о неслучайности наличия среди радиоактивных банкнот двух купюр, выплаченных за журналиста, могли получить вполне осязаемое подтверждение.

Гуров никогда не верил в совпадения. И если совпадение случилось, значит, это кому-то было нужно. Еще во время разговора с Крячко о причинах заражения банкнот у сыщика промелькнула мысль о причастности к этому чеченских террористов.

Получив от Крячко ехидный комментарий по поводу возможности продажи за рубеж ядерного оружия, Гуров теорию о террористах высказывать не стал. Сейчас в стране сложилась такая ситуация, что в любом происшествии видится «чеченская рука». Говорить об этом стало хорошим тоном у журналистов. Любой сыщик поднимет такую теорию на смех. И чаще всего окажется прав.

Гуров и сам бы поднял Станислава на смех, если бы тот заикнулся о Чечне. Но этот вариант исключать из прочих было бы неверно. Не желая выслушивать от Станислава новую порцию насмешек, Гуров тогда промолчал. Да и сейчас говорить об этом было рано. Нужно собрать побольше доказательств.

По большей части Гуров был согласен с выводами специалистов ФСБ о заражении сто-рублевых купюр. «Чеченский след» укладывался в эту версию как нельзя лучше. И дестабилизация политической обстановки в стране будет им на руку. Да и требование заплатить выкуп непременно российскими рублями в таком случае вполне логично можно объяснить.

Верна ли эта теория Гурова, еще предстояло доказать. Единственной ниточкой в этом направлении был заместитель главного редактора Стешенко.

Первой мыслью Гурова было просто пойти и поговорить с этим человеком. Может, удастся узнать что-то о той дудаевской пресс-конференции, на которую Стешенко послал Скокова. Но, уже заведя двигатель «Пежо», Гуров изменил свое решение.

Полковник вдруг понял, насколько торопливо он начал вести это следствие. Обычно перед встречей с тем или иным человеком Гуров собирал о нем максимум информации. В этот раз и визит в Центробанк, и поездку к Пешкову, и тем более разговор со Скоковой иначе чем спонтанными не назовешь.

К разговору со Стешенко Гуров решил лучше подготовиться. Такие лестные оценки, которые давала заместителю главного редактора Лариса, больше подходят этакому ангелочку, а не матерому журналисту.

В ангельскую сущность Стешенко Гурову верилось с трудом. Полковник решил, что не помешает проверить в архивах милиции да и по линии ФСБ, нет ли чего-нибудь на Стешенко. После этого пообщаться с его подчиненными, а уж затем и с самим заместителем.

Приняв такое решение, Гуров больше не стал медлить ни секунды. Развернувшись на Грузинской площади, сыщик поехал на Лубянку.

По дороге в ФСБ Гуров позвонил по сотовому телефону дежурному офицеру своего главка и попросил его распорядиться о проверке данных на Стешенко. Гуров сказал, что эта информация нужна ему срочно. К тому моменту, когда он за ней приедет, распечатка должна быть готова.

То, что Гуров получил на Стешенко в главке, полковнику ничем не помогло. В распечатке был стандартный набор фраз о законопослушном гражданине: «не был», «не судим», «не привлекался», «не имеет»... Что же, в психологический портрет, нарисованный Ларисой Скоковой, эта информация укладывалась полностью.

«А с чего ты решил, что заместитель главного редактора должен быть непременно мерзавцем и потенциальным преступником?» – спросил Гуров сам себя. Ответить на это было нечего.

Полковник не привык менять свои планы. Поэтому, несмотря на исчерпывающий ответ на свой запрос, на Лубянку он все-таки поехал.

Бурдин встретил сыщика, словно родственника с Алтая, но удивления своего не скрывал и довольно ехидно любопытствовал, не нашел ли Гуров уже разгадку в деле о купюрах. Не за группой ли захвата приехал сыщик?

– Да нет. У меня запросы попроще. – Гуров сделал вид, что не заметил иронии. – Поищите мне данные на Стешенко Андрея Анатольевича.

– Это не зам главного редактора? – проявил осведомленность Бурдин и, получив утвердительный ответ, спросил: – А вы уверены, Лев Иванович, что вам именно Стешенко нужен? Может, вам в нашей базе данных подругу жизни поискать?

– Спасибо, у меня уже есть жена. Чего и вам желаю, – сухо сказал сыщик. – Снижает, знаете ли, давление мошонки на мозги!

От такого оборота разговора Бурдин несколько опешил. Полковник был уже наслышан о крутости «ментовского важняка». Но такого не ожидал. Он привык к тому, что с ним стараются говорить уважительно, памятуя о том, где он служит. Именно от неожиданности Бурдин и не взбесился, наоборот, начал уважать этого сыщика. Который никого и ничего не боится.

Бурдин молча склонился над компьютером и послал по сети запрос.

На этот раз ответ пришел не столь быстро. Прочитав его, Бурдин на некоторое время задумался. Затем он внимательно посмотрел на Гурова:

– Вы думаете, Стешенко причастен к делу о купюрах? У вас есть какая-то информация?

– Пока ничего определенного сказать не могу, – пожал плечами Гуров. – Его фамилия всплыла случайно. Причем несколько по другому поводу. Мне нужны полные данные о нем, чтобы делать те или иные заключения.

– Не знаю, зачем он вам, – хмыкнул Бурдин, – но у нас Стешенко пару раз «засветился».

Дождавшись, пока из лазерного принтера выползет листок бумаги с информацией о Стешенко, Бурдин взял его и протянул Гурову. Сыщик несколько секунд изучал напечатанное, а затем утвердительно кивнул головой и поблагодарил.

– Вам это чем-то помогло? – спросил Бурдин, видя, что Гуров собрался уходить.

– Да, – улыбнулся сыщик. – Я понял, что Стешенко не ангел...

К шести часам вечера Крячко окончательно выдохся. Он искурил пачку сигарет, исчертил тонну бумаги всевозможными схемами, но прийти к каким-то обнадеживающим выводам так и не сумел.

О чем только не думал сыщик, отыскивая решение стоящей перед ним задачи. Даже вариант подключения к проверке банков целого батальона муровских нештатных осведомителей Крячко обдумывал не один раз. Рассматривал со всех сторон и вновь отвергал как негодный.

К тому моменту, когда Гуров вернулся в главк, Станислав выкуривал свою последнюю сигарету, рисуя на листке очередной план действий. Увидев входившего Гурова, Крячко скомкал листок бумаги и запустил им в полковника.

– Чтоб ты провалился, тиран! – рывкнул Станислав. – У меня от твоего задания уже мозги кипят. Смотри, сварится на них котел революции!

– Судя по тому, насколько заполнилась мусорная корзина, на твоих кипящих мозгах не сварится и чашка кофе. Их на нее просто не хватит! – Гуров увернулся от очередного бумажного шарика и посмотрел на переполненную пепельницу. – Стас, а у тебя целый вагон здоровья!

– На чем основано сие гениальное умозаключение? – полюбопытствовал Крячко.

– Той дозой никотина, что ты сегодня употребил внутрь, – ухмыльнулся Гуров, – можно извести на колбасу целый табун лошадей.

Полковник взял пачку «Мальборо», открыл ее и укоризненно покачал головой. Крячко ухмыльнулся. Дескать, обломилась вы с халявным куревом! За что тут же и получил пустой пачкой из-под сигарет по голове.

– Конечно, сироту всякий может обидеть, – со скорбной физиономией проговорил Крячко. – Кстати, после такого напряженного трудового дня не мешает действительно что-нибудь принять на грудь. Как ты на это смотришь?

– Пока я смотрю только на тебя, – ухмыльнулся Гуров. – Если соберешься через две минуты, то мы поедем ко мне домой. Там и посмотрим на что-нибудь более интересное. Не только посмотрим, но и попробуем.

Крячко схватил с вешалки свою кожаную куртку и выскочил за дверь. Через три минуты они вместе с Гуровым уже ехали к полковнику домой.

По дороге были куплены традиционные пельмени, которые из-за простоты приготовления всегда покупал Гуров, когда ему было лень готовить. Сегодня спектакль у Марии заканчивался около девяти вечера, поэтому на ее великолепные салаты Крячко рассчитывать не приходилось.

– Гуров, когда тебе наконец надоедят пельмени? – посетовал на друга Крячко. – Попроси Марию, чтобы она съестного на неделю наготовила.

– Бесплезно, – пожал плечами Гуров. – Ты все равно сожрешь все за один раз...

Пока готовились пельмени, Гуров с Крячко выпили по стопке «Смирновской». Разговор долгое время шел ни о чем, наконец терпение Станислава лопнуло.

– Лева, может, исповедуешься мне, отчего ты такой счастливый? – спросил Крячко.

– Люди торопятся, потому ошибаются, – неопределенно ответил Гуров.

Полковник рассказал Станиславу о деталях похищения Скокова. Гуров умолчал о «чеченском следе», но информацию из ФСБ скрывать не стал. Оказывается, первый раз Стешенко «засветился» во время афганской войны. Тогда он был простым корреспондентом. Ездил делать репортаж с места боев.

По возвращении его на Родину в госбезопасность поступила информация, что Стешенко везет в СССР наркотики. В аэропорту его задержали, но наркотиков не обнаружили. Дело, естественно, закрыли, но пару лет Стешенко находился под надзором.

Второй раз госбезопасность обратила на него внимание совсем недавно. С началом боевых действий в Чечне в Москве был арестован один из боевиков Дудаева. В ходе следствия выяснилось, что этот боевик поддерживал контакты со Стешенко.

Заместитель главного редактора объяснил это тем, что с боевиком был знаком еще с Афганистана. И никаких дел, кроме дружеских попок, он с террористом не имел. Человек Дудаева эту информацию подтвердил. На сем дело и закрыли.

– И что тебе дает эта информация? – удивленно посмотрел на Гурова Станислав. – Какое Стешенко имеет отношение к радиоактивным купюрам?

От необходимости ответа Гурова избавила Мария. Она стремительно вошла в дом, направилась сразу на кухню и, приняв позу оскорбленной добродетели, спросила:

– Объясните мне, пожалуйста, глубокоуважаемый Лев Иванович, что это за шутки со сторублевками?

– Милая, – Гуров встал со стула и обнял жену, – не могу я тебе ничего объяснить. Просто прошу, чтобы ты нигде не брала сторублевые купюры.

– Лев, это будет выглядеть по-дурачки, – встрял в разговор Крячко. – Будет твоя жена еще ругаться из-за того, что ей дают не те деньги! Пусть возьмет счетчик Гейгера, да и проверяет купюры...

– Тянули тебя за язык! – обреченно развел руками Гуров.

Но было поздно. Рассказать Марии о радиоактивных банкнотах все же пришлось. Заодно Крячко поведал и о тех трудностях, с какими столкнулся во время изучения материалов из ФСБ.

Мария слушала все это с несколько обиженным видом. Ее немного оскорбило недоверие мужа, но она прекрасно понимала, что далеко не обо всем сыщик имеет право говорить. Поэтому и обижалась только для вида.

– Я гляжу, сыщики липовые, у вас мозги совсем усохли, – покачала головой Мария, едва Крячко окончил говорить. – Вам нужно подойти к этому делу не с экономическими обоснованиями, а с простой «ментовской» логикой. Почему эти деньги в Центробанк должна была перевести одна организация, а не несколько?

– Потому, что такая массовая операция рассеет деньги по всему Центробанку, – как малому ребенку, пояснил Гуров. – К тому же о ней будут знать слишком много людей.

– А зачем им знать? – вскинула брови Мария. – Подставное лицо получает от заказчика деньги. Например, в качестве инвестиций. Затем выплачивает эти деньги в Центробанк. Легко и просто!

– А как тогда все суммы оказались практически в одном месте? – иронично поинтересовался Гуров.

– Кто у нас сыщики? Я или вы? Вот вы и узнавайте, – пожала плечами Мария. – Разливайте водочку. Я пока пойду переоденусь...

Глава 5

Едва утром Гуров переступил порог главка, как дежурный передал ему поручение от Орлова. Генерал требовал Гурова к себе. И немедленно. Причем вместе с Крячко. Недоумевая, что бы могло случиться за истекшую ночь, полковник поднялся к себе в кабинет и оставил на вешалке плащ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.